

УДК 811.161.1–25

НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ В ТИПАХ ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР РИСКА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ И КОНФЛИКТОВ

А. Н. Байкулова

Саратовский государственный университет
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматриваются современные тенденции языкового развития, в частности тенденция проникновения принципов неофициального общения в традиционно официальные сферы, что создаёт предпосылки для различных коммуникативных неудач и конфликтов. В связи с этим особую важность приобретает вопрос о компетентности личности в выборе типа общения.

Ключевые слова: тенденции языкового развития, официальное и неофициальное общение, коммуникативная компетентность.

Incompetence in Communication Types as a Risk Factor of Communicative Failures and Conflicts

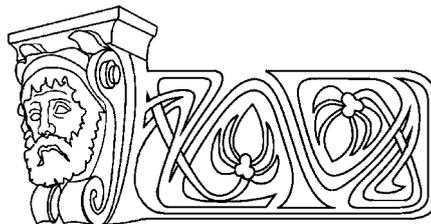
A. N. Baikulova

The article discusses modern trends of language development, in particular the trend of principles of informal communication permeating traditionally formal spheres, thus creating pretexts for different communicative failures and conflicts. Therefore, the question of the person's competence in choosing the type of communication acquires special importance.

Key words: language development trends, formal and informal communication, communicative incompetence.

Некомпетентность в выборе разновидностей общения является причиной многочисленных коммуникативных неудач, когда говорящие не достигают своих речевых и внеречевых целей, и зачастую она играет роль конфликтогенного фактора, ухудшающего отношения говорящих. Задача, которую мы ставим перед собой в данном исследовании, – выявить соотношение официального (Оф. О) и неофициального (НО) общения в современном коммуникативном пространстве России и показать влияние выбора типа общения на взаимодействие и отношения коммуникантов.

Прежде всего следует оговорить, что термины «официальное» / «неофициальное» для общения принимаются не всеми. Некоторые исследователи, ориентируясь на работы зарубежных учёных, подменяют его терминами «формальное» / «неформальное»¹. На наш взгляд, в русской коммуникативной культуре понятия «официальное» / «неофициальное» и «формальное» / «неформальное» имеют разные значения и не могут быть взаимозаменяемыми, хотя формальность действительно можно рассматривать в качестве одного из параметров общения. Если же говорить о формальном общении как речевом, то

его можно было бы охарактеризовать как общение поверхностное, малосодержательное, ущербное, неискреннее, что подкрепляется толкованием слова «формальный»². *Формальный*, по данным «Русского толкового словаря» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, – 1. Проникнутый формализмом. 2. Основанный на принципах формализма. 3. Произведённый в принятом, законном порядке. 4. Существующий только для видимости³.

Считая данную проблему дискуссионной и далеко не исчерпанной, позволим себе высказать собственный взгляд на понятия «официальное» и «неофициальное» общения. На наш взгляд, **официальным** типом общения можно считать общение, строго регламентированное коммуникативными, этическими и речевыми нормами, служащее иерархически организованному взаимодействию членов общества и способствующее регулированию прежде всего государственных, деловых, профессиональных отношений. Такое общение предполагает ответственное речевое взаимодействие коммуникантов, характеризуемое стремлением к максимально полному и точному донесению смысла до адресата.

Официальное общение распространяется на все общественные сферы (экономическую, политическую, социальную, духовную, военную), но осуществляется оно в основном в официальной обстановке, когда личные интересы граждан сопрягаются с общественными или государственными интересами. Особое значение в этих условиях приобретают статусно-ролевые характеристики говорящих и подчеркнутая официальность отношений между ними. Официальная обстановка характеризуется определённым набором параметров, включающим сферу общения, среду, установку говорящего на данный тип общения. Наиболее отчётливо официальный тип общения представлен в жанрах письменной коммуникации и устной публичной с использованием кодифицированного литературного языка (КЛЯ).

Как письменная, так и устная формы официальной коммуникации предполагают использование кодифицированной системы литературного языка, поскольку она способствует более точному донесению смысла до адресата, позволяет в этих условиях избежать коммуникативных неудач, снижает риск речевых конфликтов и экономит время. В связи с этим официальная коммуникация обязывает говорящих хорошо владеть языком, его функциональными разновидностями, а также все-

ми видами языковых / речевых, коммуникативных, этических норм, норм этикета. Следовательно, данный тип общения предполагает специальное обучение. Отсутствие у говорящего необходимых компетенций в использовании официального общения снижает его качество и разрушает официальность.

Неофициальным можно считать тип относительно свободного общения, не регламентированного жёсткими рамками коммуникативных, этических и речевых норм, в наибольшей степени соответствующего волеизъявлению человека и отражающего особенности его языковой личности (коммуникабельность, склонность к языковой игре, владение стилистическими пластами языка и т. д.). Прежде всего, неофициальный тип общения связан с устной непринуждённой непосредственной коммуникацией, где широко распространена РР, но используется и в отдельных жанрах опосредованной коммуникации за пределами Оф. О. Однако чёткое разграничение Оф. О и НО возможно далеко не всегда, что свидетельствует о существовании переходных явлений, которые мы связываем с зонами наложений.

Если говорить о соотношении Оф. О и НО в нашей жизни, то первичным, конечно, является НО. Однако в разные периоды существования русского литературного языка соотношение этих типов общения, как представляется, не было одинаковым. На наш взгляд, соотношение менялось вследствие тех процессов, которые происходили в самом языке и в обществе в целом: период либерализации языка 20-х гг. XX в., когда литературный язык наводнили жаргонизмы, диалектизмы, иностранные слова; диаметрально противоположный период массового окультуривания речи 30–40-х гг.; затем, в 50–60-е гг., борьба с «новоязом», «канцеляритом», взращённым на почве официального общения и распространившимся не только в сфере массовой информации, научной и художественной литературы, но и в повседневной разговорной речи городского населения; борьба против «канцелярита», в которой особую роль сыграли К. И. Чуковский, К. Г. Паустовский и другие деятели культуры, выступавшие за чистоту родного языка.

В наши дни, как отмечает О. А. Лаптева, эта борьба не потеряла своей актуальности (причём не только в русском, но и в других языках)⁴. Так, В. В. Колесов отмечает речевую ущербность выступлений официальных лиц государства. Виной всему, по его мнению, стиль мышления и речи, унаследованный от политических предшественников: обилие слов, ни в какой степени не отражающих реального положения вещей, конъюнктурных штампов, неистовая метафоризация официальной речи⁵. Мысль исследователя находит многочисленные подтверждения. Так, при явной утрате высокого стиля⁶, один из саратовских чиновников, выступая перед выпускниками вуза, в качестве пожелания еле выговорил с застывшим

выражением лица очевидно зазубренную фразу: *Именно вы должны создать детальный алгоритм содержательной части модернизации и перезагрузки*. Вне сомнения, за такими фразами кроется некомпетентность в использовании языка, нарочитое стремление сделать свою речь красивой в ущерб её целесообразности и искренности.

Наряду с вновь возникшей угрозой «новояза» следует отметить и тенденцию широкого проникновения принципов НО при сохранении подчёркнутой официальности в традиционно официальную сферу (расцвет этой тенденции пришелся на 90-е гг. XX в.). Прежде всего, это распространение характерных для НО диалогичности, разговорности, речевой раскованности и, как следствие, проявление безразличия к форме выражения мысли или, напротив, намеренное экспрессивное использование нелитературной лексики. Действительно, в существующих теориях коммуникации за НО традиционно «закреплена» обиходно-бытовая сфера, тогда как за Оф. О – прежде всего сфера государственно-правовых, общественно-политических, производственно-экономических, социально-культурных отношений, сфера науки, культуры, образования, СМИ и т. п. Однако нельзя отрицать, что НО неуклонно распространяется и выходит за рамки обиходно-бытовой сферы. Так, например, появилась традиция праздновать семейные праздники (дни рождения, Новый год) на рабочем месте или, напротив, решать важные деловые проблемы в обстановке неофициального общения.

Неофициальный тип коммуникации всё больше проникает в средства массовой информации, причём даже в те жанры, которые прежде считались строго официальными. Сегодня можно наблюдать работу ведущих новостных программ в стиле дружеского или приятельского общения, когда возникает такая степень раскованности, которую не могли себе представить дикторы прошлых лет. О. Б. Сиротина, С. В. Светлана-Толстая, О. В. Мякшева и другие⁷ отмечают неуклонно растущее влияние разговорности на телевизионную речь. Причём О. Б. Сиротина разграничивает, с одной стороны, неизбежно возникающие в СМИ, особенно в условиях прямого эфира, различные погрешности и неточности, связанные с фактором устности и недостаточной подготовленности речи, с другой – проникающие в речь некоторые элементы разговорной системы общения – результаты спонтанности речи, специфические невербальные компоненты, изредка опору на ситуацию. Кроме того, исследователь считает, что сигналы разговорности в современных СМИ зачастую вводятся сознательно как способ снижения официальности, оживления речи, в связи с чем разговорность рассматривается в отношении СМИ как риторическая категория⁸. Нередко, по наблюдениям О. Б. Сиротиной и других исследователей, в телепередачах осуществляется переход на разговорную систему общения (ис-

пользование неофициальных имён, ты-общение, фонетическая нечёткость, затрудняющая восприятие информации, безответственная небрежность в употреблении слов)⁹. В этом О. Б. Сиротинина видит не только и не столько отражение тенденций языкового развития в сторону демократизации, сколько невысокий уровень культуры журналистов, добавим – недостаточно развитый эстетический вкус и отсутствие компетенции в разграничении типов общения.

Об изменениях в СМИ исследователи писали ещё в советский период. В частности, отмечалась трансформация газетной публицистики в сторону большей доходчивости, использования ресурсов народной речи; говорилось и о том, что языку газеты стала свойственна разговорность: увеличилось в полтора-два раза количество коллоквиализмов, а использование книжных слов, конструкций КЛЯ, напротив, сократилось¹⁰. Е. В. Какорина обращает внимание на диалогизированность, установку на живое устное общение, разговорный язык практически во всех жанрах молодёжных изданий¹¹.

Тенденция широкого проникновения разговорности в сферу СМИ характерна и для других языков: Г. А. Орлов, сопоставляя тексты известных английских газет, отмечает даже в жёстких жанрах, к каким можно причислить краткое информационное сообщение, уход от строгой официальности к разговорно-просторечной манере подачи материала (тенденция усиления разговорности отмечена также в радио- и телекоммуникации). Автор считает, что ничего неожиданного в этом нет: ступенчатая градация языка прессы, его упрощение способствуют «читабельности» и доступности текстов. Такие же процессы, по мнению Г. А. Орлова, происходят и в других сферах, например в научной (упрощение – научно-популярный подстиль), в разговорной (смягчение речи в разговорах с детьми). У. Райверс связывает происходящие изменения с усилением конкуренции в СМИ, а также влиянием процессов демократизации общения в Великобритании, США и других странах¹².

В. Г. Костомаров в своей книге «Языковой вкус эпохи», анализируя ситуацию 90-х гг. XX в., в частности состояние языка в СМИ, отмечает ситуацию, сходную с периодом 20-х гг., вкусовое безразличие пишущих и говорящих, их частую сознательную нормативно-языковую недисциплинированность, нежелание разбираться в языке¹³. Процессы либерализации, или карнавализации языка, по В. Г. Костомарову, начавшиеся в тот период, имеют место и сегодня. Так, например, в материалах случайно выбранных нами номеров «АиФ» и «АиФ – Саратов» можно отметить ошибки, связанные с нарушением порядка слов, их стилистически неуместным и грамматически неправильным употреблением:

Мы обратились непосредственно к председателю комитета Александру Бовтунову с вопро-

сом, сколько лично у него на подписи находится заявок с нарушением сроков;

Достаточно вольно чиновники распорядились и саратовской землёй;

А ведь когда-то хоккейная школа в области считалась одной из сильнейших, которая воспитала многих чемпионов¹⁴.

Подзаголовки в рубрике АИФ «Я не понимаю...» – «...Дума в загуле?», «...засуха сожрала всё?»¹⁵ – свидетельствуют о намеренном отталивании журналистов от литературной нормы. В поле зрения исследователей, изучающих современные СМИ¹⁶, – постоянные отступления от норм в официальном общении: нарушение сочетаемости слов, неумение и нежелание говорящих разграничивать их оттенки, использование нелитературной лексики, речевая избыточность и речевая недостаточность, несоблюдение грамматических норм, раскованность коммуникантов и т. д. О. Б. Сиротинина считает, что СМИ, от которых в значительной мере зависит судьба русского языка, в борьбе с советским «новоязом» избрали продуманную, но некомпетентную стратегию демократизации языка прессы, результатом чего стало снижение речи, нарушение русских коммуникативных норм (именование людей по имени отчеству, невозможность ты-общения в официальной обстановке и т. п.), проникновение в русский язык большого количества иностранных слов¹⁷. В результате такой языковой и речевой раскрепощённости официальное общение, свойственное СМИ вследствие их ориентации на массового адресата, начинает уподобляться неофициальному и перестаёт выполнять свою важнейшую функцию, связанную с максимальной точной передачей смысла информации. В результате у адресата падает доверие к источнику информации и официальное общение перестаёт в полной мере выполнять функцию регулирования государственных и общественных отношений, а также демонстрировать эталонную речь, создавая в сознании населения сдвиги в представлении о границах допустимого.

Процесс демократизации затронул и другие сферы официального общения. М. В. Колтунова отмечает тенденцию влияния норм полуофициального общения на сферы устного и даже письменного официального делового общения (отказ от обязательных мотивировок в партнёрской коммерческой переписке, косвенная неинституциональная форма обращений и т. д.)¹⁸.

Авторы учебника «Стилистика русского языка» М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский отмечают сдвиги в функционально-стилевой дифференциации русского литературного языка: слияние делового стиля с публицистическим, по их мнению, ведёт к появлению эмоциональности и экспрессивности, ранее не свойственных деловому стилю¹⁹.

В качестве примера приведём не столько официальное, сколько ироничное и очень эмоцио-

нальное обращение жильцов к руководству ТСЖ, вывешенное на дверях конторы (запись сделана автором с сохранением всех особенностей текста в 2006 г.):

Уважаемое руководство ТСЖ «Братьев Никитиных!» Почему Вы так часто напоминаете о наших долгах об оплате, а сами забываете о своих обязанностях, регулярно нами оплачиваемых: за содержание и ремонт жилья 10 руб. с каждого кв. метра минимум??? В подъезде № 3, д.8, корп. № 6 по улице имени Вашего ТСЖ на всех лестничных площадках с 1-го по 9-ый этаж уже полгода нет света! А у Вас в подъезде всё отлично, Господа??? Сейчас в октябре так рано темнеет и мы очень рады за Ваших жён и детей – у них нет наших проблем!!! А когда Вы решите наши проблемы? Вы так много обещали по наведению порядка!

Пока ещё верящие, но уже матерящие Вас обитатели подъезда № 3 дома № 8, корп. 6 улицы имени Вашего ТСЖ – Братьев Никитиных.

Текст создан, по всей вероятности, под влиянием средств массовой информации. Характерен эпизод из истории Саратова с начавшимся было выпуском газеты «Саратов», явно не отличавшейся должной компетентностью её сотрудников. Подтверждение тому – фрагмент обращения редакции газеты «Саратов» от 18 апреля 2000 г. к читателям (орфография и пунктуация сохранены):

«Дорогие читатели!

Мы уже ни раз сообщали Вам о ситуации, которая возникла с газетой «Саратов». После всего происшедшего, с вашей помощью и при поддержке журналистской общественности газета регулярно выходила, начала набирать обороты, обретать своё лицо. Однако, сегодня 17 апреля 2000 года беспрецедентный случай. Директор клонированной газеты «Саратов – столица Поволжья» господин А. Черкашин отдал распоряжение отделу вневедомственной охраны Волжского РОВД не пускать сотрудников нашей редакции на рабочие места. Мало того, он со своими помощниками ворвался в комнаты, где готовились к выпуску газеты «Саратов» и учинил дебош – продемонстрировал издательский комплекс газеты, вырвал телефоны и таким образом, сорвал выпуск очередного номера. На наши увещивания о диктатуре закона, которая должна торжествовать на территории Саратовской области, о цивилизованном разрешении спорной ситуации он заявил, что будет поступать в соответствии с революционной целесообразностью и собственным восприятием происходящего. К месту ситуации на восьмом этаже издательства «Слово» он и охрана не допустила многих журналистов Саратовских СМИ, пытавшихся зафиксировать разгулявшийся произвол. <...> Кто помогает им в этом беспределе, спросите Вы? Власть. А точнее Совет безопасности Правительства области, а ещё точнее его руководитель – господин А. К. Мирошин. Мы вместе должны положить конец этому беспределу».

Данный текст, содержащий многочисленные нарушения норм, – свидетельство профессиональной некомпетентности, тогда как для представителей так называемых коммуникативных профессий качество профессионального общения должно иметь первостепенное значение, поскольку оно во многом определяет соответствие человека его статусу, а по большому счёту, влияет и на судьбу языка.

Множество примеров, свидетельствующих о несоблюдении норм в профессиональном общении, мы находим и в работе Е. В. Харченко:

из речи продавцов: вы не видите / я занята//, вали отсюда//, на ценник смотрите/ чё/ ослепли что ли?, там написано/ у вас что / глаз нет?, чё прётесь/ не видите обед? и др.;

из речи учителей: выйди вон//, пошёл вон, я не собираюсь сидеть с самыми тупыми//; чтоб я больше тебя не видела//, не класс / а бараны//, нашлась тут умная//, вас несли вниз головой и стучали об ступеньки; твоё место в спецучреждении; ты всегда такой идиот или сейчас специально меня доводишь? и др.;

из речи врачей: быстро собралась и ушла//, высуньтесь обратно и дверь закройте//, куда вы лезете/ подождите немного/ у нас ещё обед//, иди ты не туда попал//; почему сразу не пришла?²⁰

Такая речь связана с элементарным бескультурьем говорящих, отсутствием компетенции в выборе типа общения, приоритетом неофициальных отношений. А ведь для профессионала крайне важны как выбор типа общения, так и знание его специфики. Так, Л. С. Бейлинсон, рассматривая медицинский дискурс, считает, что «общение должно быть официальным, но не чересчур дистанцированным <...>, допустимы шутки, направленные на поддержание нужной для врача атмосферы общения, действуют запреты на игровое, ироничное и патетическое общение»²¹.

Изменения происходят и в языке науки. По наблюдениям Е. В. Бобыревой, отмечается проникновение в жёсткую структуру научного текста речевых сегментов, форм, характерных для разговорной сферы коммуникации²².

НО расширяет своё влияние и на сферу общественно-политических отношений – в частности, изменение политической ситуации в 90-е гг. XX в. привело к существенным изменениям в политическом дискурсе. Так, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова отмечают, что в оппозициях *ритуальность / действенность* («перформативность»), *монологичность / диалогичность*, *письменность / устность*, *регламентированность / спонтанность*, *анонимность / персонафицированность*, *безадресность / адресованность* характерно разрешение этих оппозиций в пользу вторых членов²³. По мнению авторов, речь условная превращается в речь действительную. Нередко неофициальный характер носят даже публичные выступления высокопоставленных лиц, нормой стали так называемые встречи без галстуков. Из-

лишняя официальность начинает вызывать раздражение, поскольку не способствует быстрому решению проблем, а следовательно, становится конфликтогенным фактором. Так, «АиФ» № 31 от 4–10 августа 2010 г. рассказали о резко негативной реакции президента Д. А. Медведева на выступление министров во время заседания Совета по реализации нацпроектов, где «*министр образования А. Фурсенко нудно рассказывал <...>, глава Минздравоуразвития Т. Голикова читала по бумажке <...>, министр сельского хозяйства Е. Скрынник по инерции начала с нескольких позитивов <...>»*. «*Честно говоря, отчёты эти надоели смертельно <...> В будущем мы так Совет проводить уже не должны. Одно и то же все рассказывают! Планы, конечно, хорошие. Надо о проблемах говорить!*» – возмутился президент²⁴. В результате, по сообщению «АиФ», он пообещал заседания Совета проводить без «золота» – не в Кремлёвском дворце, а в других местах; министрам же предписано говорить коротко и по существу.

Замечания президента были, по всей вероятности, учтены. Так, необычной оказалась форма заседания Государственного совета и Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, которое проходило в Кремле 31 августа 2010 г., что, например, произвело сильное впечатление на принявшего в нём участие ректора Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Л. Ю. Коссовича. По его мнению, заседание было не просто представительским, а деловым, рабочим²⁵. Возможно, был реализован иной тип общения, который часто именуется полуофициальным²⁶. Мы же синкретичные явления в сфере делового общения (нечто среднее между Оф. О и НО) связываем с **рабочим** типом общения (РО), допускающим или разрешающим в силу определённых причин то или иное отступление от принятых в официальном общении строгих норм и правил (речевых и неречевых), не выходящих за рамки литературного языка и существующих этических норм. Причём термин «рабочий» (тип общения) нам представляется более приемлемым вследствие чёткой определённости, в отличие от термина «полуофициальный», самого значения слова: «рабочий» в четвёртом значении, по словарю В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, – «относящийся к работе, предназначенный для работы»²⁷. Объём и характер указанных отступлений может отражать широкий спектр зоны между двумя полюсами оппозиции официальность / неофициальность. Это даёт основания считать, что между представленными типами общения нет чётких границ, есть ядерные и периферийные зоны, которые можно считать зонами наложения. РО осуществляется в сфере трудовой деятельности, в рабочей обстановке (в основном на рабочем месте, но, возможно, и в других местах) и прежде всего связано с речевым взаимодействием коллег, обусловленным выполнением профессиональных обязанностей. Этот тип общения не претендует на

строгое соблюдение речевых и этикетных норм, принятых в официальном общении. Как правило, это общение в постоянной малой группе, для которой характерны корпоративные, групповые конвенции. РО, с одной стороны, может включать в себя профессиональное общение, которое, по мнению Е. В. Харченко, должно характеризоваться высоким уровнем качества²⁸, с другой – само может проникать в профессиональное общение. Пример рабочего общения (из телефонного разговора коллег-филологов А и Б; А по возрасту старше Б):

А: Наташ / Ты сёдня не работаешь?

Б: А... Тамара Владимировна / здравствуйте // Нет / я уже отработала // У меня сёдня первая пара //

А: Наташ / а у тебя есть новый орфографический словарь?

Б: Есть //

А: Посмотри там слово иштукатуренный //

Б: А что вы хотите узнать?

А: Ну посмотри как пишется //

Б: Я и так скажу // Зависит от контекста // Как в тексте-то?

А: Штукатуренная стена // Написано с двумя н //

Б: Ошибка // Надо с одной //

А: Почему? Это двувидовой глагол //

Б: Это не двувидовой глагол // Что? что сделать? Штукатурить что ли? Это глагол несовершенного вида / поэтому здесь прилагательное // Абсолютно точно //

А: Нет // Это двувидовой глагол // Оштукатурить это разговорное //

Б: Почему это двувидовой? Это не двувидовой глагол // оштукатурить это не разговорное //

А: Ну посмотри в словаре //

Б: Ну хорошо // Щас минутку // и т. д.

Одностороннее приветствие и асимметричные обращения, развернувшаяся дискуссия, не претендующая на особую этикетность, в данном рабочем дискурсе не мешает коммуникации, не ведёт к конфликту или ухудшению отношений, тогда как в официальном общении, конечно, такая асимметрия была бы недопустимой.

М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский называют происходящие процессы демократизации ведущей тенденцией эволюции всего русского языка²⁹. В. В. Колесов отмечает процессы утраты высокого стиля и «вторжения низкого стиля»³⁰, что, по сути, тоже соответствует указанной тенденции.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова считают, что в последние годы произошли изменения, которые существенно поколебали чёткость бинарного членения коммуникативного пространства на официальное и неофициальное, что привело к активизации влияния определённых типов речи друг на друга: например, современная устная публичная речь, язык СМИ отмечены широким вторжением разговорных, жаргонных элементов,

а в повседневное бытовое общение, напротив, стали проникать элементы официально-деловой и специальной речи, иноязычная лексика³¹.

Появление «реально-виртуальной» коммуникации, по С. В. Андреевой и Т. А. Сорокиной, привело к развитию переходных зон между коммуникацией межличностной и массовой, официальной и частной³². Лёгкость и быстрота общения, частота контактов, огромный объём информации определяют изменения в использовании языковых средств и норм – отказ от заглавных букв, остроумные сокращения, разговорно-обиходную лексику, нарушение орфографических и пунктуационных правил и т. п., – что стирает грани между личностно ориентированным и статусно ориентированным общением³³. И здесь также возникает проблема сформированности компетенции в выборе типа общения, сопряжённой с культурой речи. Неслучайно известный кинорежиссёр Н. С. Михалков в одном из своих телеинтервью с возмущением заметил: «Какими словами испражняются люди в Интернете!»

А. А. Чувакин даже выдвинул гипотезу о кризисе коммуникации как кризисе человека. Исследователь, выявляя особенности речевой коммуникации 1980–2000 гг., отмечает «резкое повышение коммуникативной активности россиян и размывание речекоммуникативных норм», тенденцию «к постепенной замене господствовавшей многие десятилетия коммуникативной парадигмы монолитического типа: нарушение баланса в отношениях тенденции к речевой гармонии и тенденции к речевой агрессии в сторону последней и др.»³⁴. Вместе с тем кризис, как пишет автор, ссылаясь на мнение философов, в частности Л. А. Кошца³⁵, «есть перемена позиции, крутой перелом в движении, в осмыслении какого-либо явления, рождение истока нового движения, нового осмысления»³⁶. И этот исток, по мнению А. А. Чувакина, – «углубляющееся “очеловечивание” речевой коммуникации, уход коммуникантов от стандарта, “бесчеловечного” по своей сути. Такова развивающаяся – несмотря ни на что – тенденция к замене коммуникативной парадигмы монологического типа на парадигму диалогического типа»³⁷.

Тенденцию замены монолога на диалог в политической коммуникации отмечают также М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, Т. Н. Колокольцева называет «триумфальное шествие диалога», распространение диалогичности одним из самых ярких и закономерных изменений в современном коммуникативном пространстве³⁸.

В связи с этой прогрессирующей тенденцией, как нам кажется, очень важно привлечь всеобщее внимание к культуре неофициального общения, потому что одной из немаловажных причин сегодняшних проблем является то, что неофициальной коммуникации долгие годы не уделялось вообще никакого внимания и только начиная со второй половины XX в. её начали изучать.

Тенденция демократизации общения требует глубокой компетенции в разграничении типов общения, в том числе официального и неофициального. Если отступление от норм общения носит намеренный характер, то возникает вопрос об уместности такого отступления. Н. Зятьков, главный редактор «АиФ», рассказал на страницах газеты о том, как на юбилее одного из известных лиц он предложил бывшему мэру Москвы Ю. М. Лужкову дать интервью о состоянии дел в городе. Реакция мэра его ошеломила: «Развалившись в кресле, он (Ю. М. Лужков) заявил: “Вы только посмотрите на него! Обсирает меня в каждом номере своей газеты и ещё зовёт на интервью!” <...> В ответ на моё заявление, что газета пишет правду о том, что происходит в столице, – продолжает Н. Зятьков, – мэру побагровел и стал кричать ещё громче»³⁹. Трудно заподозрить Ю. М. Лужкова в незнании норм официального и неофициального общения. Очевидно, выбранная им форма коммуникации была не случайной, но явно неуместной.

Однако часто бывает и ненамеренное отступление от норм общения, связанное прежде всего с отсутствием общей культуры говорящего и вместе с тем коммуникативной компетентности. Директор школы – учителю в присутствии родителей и детей: *На / стул отнеси /вон там поставь//*. Такая фраза абсолютно недопустима в профессиональном общении, поскольку противоречит этике взаимоотношений руководителя и подчинённого. Невежливая форма обращения на ты, отсутствие необходимых этикетных средств в данной ситуации не привели к явно выраженному конфликту, однако ухудшили отношения между говорящими. Речевая раскованность в условиях асимметричного общения, противоречащая нормам официальной коммуникации, профессиональной этики (отсюда, например, частое использование руководящими работниками одностороннего ты-общения), зачастую входит в привычку находящихся в более высоком статусно-ролевом положении коммуникантов и становится для них узуальной нормой. Поэтому понимание особенностей разных типов коммуникации, стремление, а ещё лучше привычка, соотносить свою речь с ситуацией общения и, следовательно, его типом и нормами позволяют снизить риск возникновения конфликтов.

Следует отметить, что зачастую говорящий сам не понимает своего речевого просчёта: преподаватель, обращаясь к студентам, которые повесили верхнюю одежду на спингалеты окна: *Девушки / снимите пожалуйста одежду / и сдайте в гардероб //* – Студентка: *Она вам что / мешает?* Вопрос студентки не только неуместен, но и груб, однако она этого не чувствует, поскольку такая манера общения для неё привычна. Для преподавателя же ощущение грубости, при том что в вопросе нет ни одного грубого слова, определяется как интонацией реплики, так и несоответствием

вопроса характеру и типу общения, его этике. По сути, это лично адресованный, но в то же время риторический вопрос, в котором может просматриваться установка на деструктивное общение. В данной ситуации нарушена этика взаимоотношений преподавателя и студента в условиях официального общения.

Выбор типа общения играет огромную роль и в межкультурной коммуникации. Так, Н. Н. Трошина приводит ряд примеров коммуникативных неудач, связанных с отсутствием компетенции в области особенностей национального делового общения у деловых партнёров. Один из примеров иллюстрирует чуть не закончившиеся провалом переговоры голландцев с немцами, когда первые, стараясь создать непринуждённую атмосферу, представили членов своей дирекции в шутиливо-ироничном тоне, что не принято в Германии (ситуацию спас журналист, вернувший коммуникацию в официальное русло). Другой пример – из опыта работы немецкого синолога, часто выступавшего в качестве переводчика на немецко-китайских переговорах. Во время официальных встреч ему пришлось столкнуться с проблемой, которая заключалась в том, что китайцы не воспринимают немецкую раскованность, стремление пошутить для снятия напряжённости в ходе деловой встречи. В результате в процессе перевода приходилось прилагать много усилий, чтобы эти шутки были поняты и приняты⁴⁰.

Приведённые выше примеры иллюстрируют как риск возникновения коммуникативных конфликтов, так и собственно конфликтное взаимодействие, обусловленное выбором типа общения, уровнем речевой культуры говорящих, а также отсутствием знаний в области национально-культурных деловых стандартов. Поэтому проблема формирования компетенций, позволяющих правильно соотносить речь с типом общения, представляется нам чрезвычайно важной и актуальной. Решение этой проблемы способствует снижению вероятности риска возникновения конфликтов в разных сферах жизнедеятельности человека и в разных коммуникативных культурах.

Примечания

- 1 См., например : *Куницына В., Казаринова Н., Погольша В.* Межличностное общение. СПб., 2001.
- 2 См.: *Байкулова А.* Выбор разновидности типа общения как составляющая коммуникативной компетенции личности // (сдано в печать)
- 3 См.: *Лопатин В., Лопатина Л.* Русский толковый словарь. М., 2006. С. 845.
- 4 См.: *Лантева О.* Теория современного русского языка. М., 2003.
- 5 См.: *Колесов В.* Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 225.
- 6 Там же.
- 7 См.: *Сиротинина О.* Соотношение кодифицированного и разговорного в средствах массовой информации // *Журналистика на пороге XXI века: исторический опыт, современное развитие.* Владикавказ, 1997. Вып. 11. С. 299–310 ; *Светлана-Толстая С.* Русская речь в масс-медийном пространстве. М., 2007 ; *Мякишева О.* Телевизионная речь: озвученная письменная или разговорная? // *Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация : материалы междунар. конф. 19–21 июня 2009 г.* М. ; Ярославль, 2009.
- 8 См.: *Иванчук И.* Риторическая категория «разговорность» в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: её специфика и функции // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки / Филология.* Томск, 2004. Вып. 1 (38). С. 5–12; *Она же.* Риторическая категория «разговорность» в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры: эстетический аспект // *Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та.* Саратов, 2003. Вып. 6. С. 141–150.
- 9 См.: *Сиротинина О.* Соотношение кодифицированного и разговорного в средствах массовой информации. С. 299–310 ; *Гловинская М., Голанова Е., Ермакова О. и др.* Современный русский язык: Система – норма – узус. М., 2010.
- 10 См.: *Лысакова И.* Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981 ; *Винокур Т.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // *Развитие функциональных стилей современного русского литературного языка.* М., 1968 ; *Орлов Г.* Современная английская речь. М., 1991.
- 11 См.: *Занадворова А., Какорина Е., Китайгородская М. и др.* Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- 12 См.: *Rivers W.* The mass media. N. Y., 1975 ; *Орлов Г.* Указ. соч. ; *Fairclough N.* Media discourse. N. Y., 1995.
- 13 См.: *Костомаров В.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
- 14 *АиФ – Саратов.* 2010. № 5.
- 15 *АиФ.* 2010. № 39. С. 7.
- 16 См., в частности: *Ягубова М.* Речь в средствах массовой информации // *Хорошая речь.* Саратов., 2001. С. 91 ; *Сиротинина О.* От кого зависит судьба русского языка?
- 17 См.: *Сиротинина О.* От кого зависит судьба русского языка? // *Русская речь.* 2007. № 1. С. 44 – 50.
- 18 См.: *Колтунова М.* Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005. С. 185.
- 19 См.: *Кожина М., Дускаева Л., Салимовский В.* Стилистика русского языка. М., 2008.
- 20 Эти и другие примеры см.: *Харченко Е.* Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003. С. 251–267.
- 21 *Бейлинсон Л.* Медицинский дискурс // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр.* Волгоград, 2000. С. 105.
- 22 См.: *Бобырева Е.* Диалогичность научного текста: внутренняя природа и языковые механизмы реализации // Там же. С. 126.

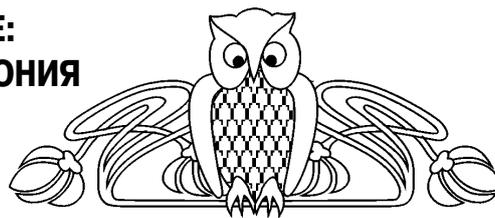
- ²³ *Китайгородская М., Розанова Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999. С. 166.
- ²⁴ АиФ. 2010. № 31. С. 2.
- ²⁵ *Коссович Л.Ю.* «На Госсовете РФ важно было достойно представить СГУ». URL: <http://www.sgu.ru/news> (дата обращения: 18.04.2011)
- ²⁶ См.: *Бобарыкина Н.* Общение в малой группе. Саратов, 2003 ; *Колтунова М.* Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- ²⁷ *Лопатин В., Лопатина Л.* Указ. соч. С. 623.
- ²⁸ См.: *Харченко Е.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ См.: *Кожина М., Дускаева Л., Салимовский В.* Указ. соч.
- ³⁰ См.: *Колесов В.* Указ. соч.
- ³¹ См.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч. С. 7.
- ³² См.: *Андреева С., Сорокина Т.* Специфика новых видов речевого общения в современном обществе // Предложение и Слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 286.
- ³³ См.: *Леонтович О.* Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 195.
- ³⁴ *Чувакин А.* Кризис речевой коммуникации как проблема языковедения // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2010. С. 147–148.
- ³⁵ См.: *Кощей Л.* Кризисное сознание (попытка определения) // Аналитика сознания. Барнаул, 1998.
- ³⁶ *Чувакин А.* Указ. соч. С. 147–148.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч. С. 165 ; *Колокольцева Т.* Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 50–57.
- ³⁹ АиФ. 2010. № 39. С. 4.
- ⁴⁰ См.: *Трошина Н.* Культурный этноцентризм как проблема межкультурной деловой коммуникации // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 88–95.

УДК 821.111.09-3+929 Диккенс

ТИПЫ ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ИРОНИЯ

О. Г. Петрова

Институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: 391658@mail.ru

В статье анализируются современные взгляды на соотношение стилистического и концептуального типов иронии в художественных системах писателей, выделяются основные свойства и признаки концептуальной иронии, а также показывается соотношение двух типов иронии с разными средствами их реализации – языковыми и экстралингвистическими.

Ключевые слова: стилистическая ирония, концептуальная ирония, мировоззрение и эстетика авторов, языковые и экстралингвистические формы реализации иронии.

Types of Irony in Fiction: Conceptual and Contextual Irony

O. G. Petrova

The article analyses modern views on the correlation of stylistic and conceptual types of irony in the writers' literary works, reveals the basic features and characteristics of conceptual irony, and also shows the correlation of the two types of irony with their different means of realization – linguistic and extra-linguistic.

Key words: conceptual irony, contextual irony, writers' world outlook and aesthetics, linguistic and extra-linguistic forms of irony realization.

Есть основания считать, что ирония играет исключительно важную роль в эстетической и

литературно-художественной системах произведения; в художественных текстах она относится к элементам, обладающим особым весом. Ирония, которая всегда является средством реализации субъективно-оценочной модальности, представляет собой художественную форму авторской оценочной позиции. Роли иронии, её месту в ткани художественного произведения посвящено много работ как чисто литературоведческого, так и литературоведческо-лингвистического плана (Myers, 1977; Simpson, 1979; Tanaka, 1973; Tener, 1979; Thompson, 1948 и др.). Ряд исследователей подчеркивают все возрастающую роль и значение иронии в современной художественной литературе, особенно англоязычной. Как утверждает Ч. Гликсберг, сейчас можно говорить о наличии особого иронического видения мира, свойственного современной литературе¹. Д. Мюкке обосновывает возникновение этого особого способа видения мира ходом развития европейской мысли, особенно возрастающим значением в ней скептицизма, релятивизма, либерализма и позитивизма². Таким образом, в литературном произведении ирония может иметь более широкий и значитель-